

О.В. ФЕДОСОВА
(Волгоград)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «СМЕХ»
В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Лингвокультурный концепт «смех» рассматривается в сопоставительном аспекте на материале русского и испанского языков. Выявляются основные антинормы концепта и раскрывается его национальная специфика.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт «смех», испанская лингвокультура, русская лингвокультура.

Смех, как известно, является свойством, присущим исключительно человеку, он имеет столь же сложную природу, как и сам человек, т.е. является продуктом сложного взаимодействия физиологического, психического и социокультурного начал, организующих человеческую природу. В силу сложности своей природы смех имеет множество проявлений (от спокойной улыбки, радостного смеха, веселого ликования до гомерического хохота, язвительной усмешки, иронического замечания, злорадной ухмылки), множество функций (от элементарной функции высвобождения эмоций до более сложных – ритуальной, игровой, этикетной и др.). Сущность природы смеха выявляется также через определение его противоположностей: так, смеху противопоставляется плач, комическому – трагическое, смешному – грустное, но смех может противопоставляться также малодушию, слабости, он может быть проявлением ума, равно как и проявлением глупости. Да и по своему характеру смех бывает очень разным: веселым и грустным, добрым и злым, искренним и натужным, радостным и язвительным, беспощадным и целительным и т.д. «Словарь эпитетов русского литературного языка», например, приводит 127 эпитетов, характеризующих смех, 64 из которых несут в себе позитивную характеристику, а 63 – негативную [8].

Таким образом, способность к смеху в его многочисленных вариантах является непременным элементом высшей нервной деятельности человека. С другой стороны, отношение к смеху, склонность к тем или иным его формам характеризуют человека как личность.

Давно замечено также, что смех способен влиять на человека, выступая в качестве терапии или, наоборот, агрессивного воздействия. Неудивительно поэтому, что с древних времен изучению природы смеха уделяли внимание философы, теологи, врачи, фольклористы, литературоведы, психоаналитики, этнографы, культурологи, писатели. В этом ряду достаточно упомянуть такие имена, как Аристотель, Платон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Г. Гегель, И. Кант, А. Шопенгауэр, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, З. Фрейд, М.М. Бахтин и Д.С. Лихачев, А. Бергсон, Л.В. Карасев. Одни видели в нем ключ к разгадке природы самого человека, другие – инструмент манипулирования человеческим сознанием, третьи двигали исключительно научный интерес и стремление раскрыть социальную и культурную основу природы смеха. В последние два десятилетия в связи с изменением общего направления научных исследований феномен смеха все чаще попадает в фокус исследований лингвистики и связанных с нею наук – лингвокультурологии, этнолингвистики и психолингвистики ([3; 4; 6; 7; 12; 13; 19; 21; 24; 25; 26] и др.).

Как часть высшей психики человека, его ментальности и социально обусловленное явление, смех выступает неотъемлемым сегментом универсальной, общечеловеческой культуры и, одновременно, всякой национальной культуры, что позволяет говорить о «национальной культуре смеха». Национальная культура смеха подразумевает национальные особенности отношения к феномену смеха вообще и к тем или иным его формам в частности, а также очерчивает границы смешного. Данное понятие включает также и национальные предпочтения определенных разновидностей смеха, определенный поведенческий кодекс бытовой и праздничной смеховой культуры. Национальный кодекс, регулирующий «смеховое поведение» в рамках конкретной культуры, существенным образом влияет на коммуникативное поведение всякой языковой личности. Самым незначительным следствием различий в «смеховом поведении» могут стать неосознанно возникшая неприязнь к собеседнику, чувство превосходства и/или презрения по отношению к нему. Возможны и более серьезные последствия, каким стала, например, известная трагедия в редакции французского сатирического журнала «Шарли Эбдо», возникшая в результате культурного конфликта

на почве несовпадения представлений о смешном и его границах. Менее трагическим примером различий в поведенческих кодексах, регулирующих бытовое поведение представителей разных культур и его последствий, может служить сложившийся в западных культурах стереотип о русских как об угрюмых, неприветливых, невежливых людях. Основанием для такого стереотипа является «неулыбчивость» русских людей (в данном случае имеется в виду не этническая, а культурная принадлежность), которая неприятно поражает, прежде всего, представителей западных культур, особенно при первом посещении нашей страны, что объясняется всего лишь тем, что в русской смеховой культуре не принято улыбаться незнакомым людям, а улыбка – один из элементов смеховой культуры.

Учеными давно было замечено, что каждый народ и каждая эпоха обладают своим особым чувством юмора и имеют свое представление о комическом, которые иногда непонятны и недоступны для других эпох и других народов, что само слово «смех» имеет в различных языках различные коннотации и что, несмотря на тот факт, что сущность смешного во все века остается неизменной, преобладание тех или иных черт в смеховой культуре позволяет различать в смехе национальные черты и черты эпохи [1; 2; 20; 23] (см. также у Лихачева Д.С., 1984).

Все вышесказанное позволяет обозначить главные параметры, определяющие природу смеха как лингвокультурного концепта. Во-первых, это универсальность (данный концепт присущ всем языкам и культурам), во-вторых, – изначально присущие ему сложность и внутренняя расчлененность, в-третьих, этнокультурная отмеченность. Отдельно следует отметить амбивалентность и парадоксальность данного концепта, проистекающие из самой природы смеха как одновременно физиологического и культурно-психологического феномена. В подтверждение сошлемся на «Новейший философский словарь», где, на наш взгляд, наиболее точно и лаконично раскрывается двойственная, парадоксальная сущность смеха: «Феномен смеха амбивалентен: это, с одной стороны, смех формальный (примитивный, прасмех) – смех как радость и энтузиазм здорового, растущего и наслаждающегося организма, смех тела и, с другой стороны, смех как способ выражения отношения к действительности, смех души, смех ума. В первом случае смех – дар природы. В нем нет оценки, нет отношения. <...> Во втором случае смех оце-

ночен, рефлексивен, сугубо человечесен, а также парадоксален. Парадокс состоит в том, что смех чаще всего – неадекватная эмоциональная реакция на действия или события: мы смеемся над тем, что само по себе смешным не является. Существо смеха связано с раздвоением, расколом действительности надвое, созданием ее смеховой тени. Смех открывает в одном другое: в высоком – низкое, в торжественном – будничное, в обнадеживающем – разочаровывающее и т.п.» [18].

Национально-культурная специфика должна заключаться, на наш взгляд, в особенностях амбивалентности соответствующего концепта, поскольку именно парадоксальная двойственность, антиномичность данного понятия связаны с его эмоционально-оценочной и рефлексивно-оценочной составляющими, которые, в первую очередь, выражают особенности национальной ментальности.

Амбивалентность природы смеха отражается в семантической структуре концепта «смех». Проведенный нами лексикографический, паремиологический и ассоциативный анализ слова-концепта «смех», а также результаты выполненных ранее исследований других ученых [3; 12] показали, что в концептосфере русской лингвокультуры «смех» соотносится, с одной стороны, с жизнью, здоровьем, радостью, праздником, ликованием, детскостью и добродушием, с другой – с антонимичными понятиями «смерть», «горе», «стыд», «слезы», «зависть», а также «глупость», «грех», «попрок», «чертовщина». Таким образом, в семантической структуре русского лингвокультурного концепта «смех» выделяются две фундаментальные антиномии. Одна из них проявляется в ассоциативной связи смеха со слезами (плачем → горем → бедой → смертью), что нагляднее всего отражено в русских пословицах и других идиомах: «и смех, и слезы», «смех сквозь слезы», «иной смех плачем отзывается», «смех до плача доводит», «кто смешлив, тот и слезлив», «кто в субботу смеется, в воскресенье плакать будет», «над кем посмеешься, тот над тобою поплачет», «и смех, и горе», «жена умирает, а муж со смеху помирает», «заливаться смехом» – «заливаться плачем», «взрыв смеха» – «взрыв плача», «умереть/лопнуть со смеху» [9].

Эта же внутренняя антиномия присуща и испанскому лингвокультурному концепту «смех» (risa): “del reir viene el gemir” / “después de la risa viene el llanto” (за смехом следует плач), “de la alegría a la desgracia hay un paso” (от радости до несчастья – один шаг),

“no rías tanto, que la mucha risa acaba en llanto” (не смейся так, много смеха приводит к плачу), “de la risa al duelo, un pelo” (от смеха до горя всего один волосок), “morir de risa / estar muerto de risa” (умереть/помирать со смеху).

Однако следует отметить, что, в отличие от русской языковой картины мира, в испанской картине мира позитивное начало в рассматриваемой антиномии концепта “risa” (смех) выражено значительнее и квантитативно (т.е. если посчитать отражающие его лексические единицы), оно перевешивает негативное. Свидетельством этому является обширный пласт пословиц и поговорок, а также иных идиоматизмов, в которых смех оппозиционируется плачу, печали как позитивное начало – началу отрицательному: “más vale reír que llorar” (лучше смеяться, чем плакать), “más vale morir de risa que de ictericia” (лучше умереть от смеха, чем от желчи), “más vale gordo que dé risa, que flaco que dé lástima” (лучше толстый, который вызывает смех, чем худой, который вызывает жалость), “cuando la vida te presente razones para llorar, demuéstrole que tienes mil y una razones para reír” (когда жизнь будет посылать тебе поводы для плача, покажи ей, что у тебя есть тысяча и одна причина для смеха), “reírse por no llorar” (смеяться, чтобы не плакать), “guardar risa para la lloira” (приберечь смех к плачу), “a nadie se le dio veneno en risa” (никого еще не отравили смехом).

В испанской картине мира смех как позитивное начало ассоциируется с карнавальными играми и самой жизнью, которая всегда дает поводы для смеха, и в этой своей ипостаси смех противопоставляется всякой серьезности и официозу, которые в народном сознании, прежде всего, ассоциируются с церковью и церковными обрядами: “juegos y risas, esas son mis misas” (игры и смех – вот мои мессы), “da limosna, oye misa, y lo demás te lo tomas a risa” (подавай милостыню, слушай мессы, а ко всему остальному относись со смехом), “no falta de que reírse” (всегда найдется над чем посмеяться), “quien de todo se ríe, ese es el que bien vive” (кто над всем смеется, тот хорошо живет). В русской национальной картине мира понятие «смех» в этом ассоциативном ряду, наоборот, приобретает негативные коннотации легкомысленного, несерьезного отношения к жизни, к делу: «смехом веку не проживешь», «век на смеху живет», «век посмеешься, словно проживешь», «смех смехом, дело делом», «ну смех, да и только», «курам на смех!», «смеху подобно», «смеховое дело» (т.е. пустое дело, пустяковое дело, не стоящее внимания).

Общим компонентом в семантической структуре концепта «смех/risa» в русской и испанской лингвокультурах является ассоциация смеха с глупостью: “la risa abunda en la boca de los tontos” (у дураков смеха в избытке), “risa liviana, cabeza vana” (пустой смех – пустая голова), “mucho hablar y mucho reír, locura dan a sentir” (много разговоров и много смеха сводят с ума), “¿De que te ríes, tonto? – De ver reír a otro tonto” (Над чем смеешься, дурачок? – Смотрю, как смеется другой дурачок). В русском языке: «смех без причины – признак дурачины», «из дурака и плач смехом прет»; «Смешен ты, со своими несбыточными затеями. Смешно же в ее лета молодиться» [9] (здесь «смешной», «смешно» приобретают коннотации «глупый», «глупо»).

Еще одна антиномия, характеризующая русский лингвокультурный концепт «смех», проявляется в ассоциации смеха с грехом и чертом: «мал смех, да велик грех», «где грех, там и смех», «навели на грех, да и покинули на смех», «и смех, и грех», «в чем живет смех, в том и грех», «сколько смеху, столько греха», «и смех наводит на грех», «смех как грех», «много смеху, да не мало и греха», «что грешно, то и смешно (потешно)», «Бога не гневи, а черта не смехи», «грех – не смех, когда придет смерть», «пропадать/пропасть со смеху» [9; 17]. Интересно, что соответствующий испанский концепт не содержит подобной антиномии: лексикографический и паремиологический анализ испанского слова-концепта “risa” (смех) не выявил устойчивых ассоциаций с понятиями «грех», «порок», «чертовщина» [27; 28; 29; 30; 31; 32; 33]. Таким образом, именно в наличии данной антиномии мы видим, прежде всего, проявление национально-культурной специфики русского лингвокультурного концепта «смех». В историческом плане истоки этой антиномии, характеризующей национальную русскую ментальность, следует отнести к эпохе утверждения христианства в Древнерусском государстве и противоборства христианского мировоззрения с языческим мировоззрением наших предков, когда происходила коренная перестройка русской национальной картины мира. Многие сложившиеся на протяжении прежних веков константы мировоззрения древних русичей претерпевали глубинное переосмысление в православно-христианском ключе, и «смех» был одной из таких констант, поскольку являлся неотъемлемой и важнейшей составляющей древнерусской культуры (об этом подробнее см.: [5; 14; 15; 16; 23], а также Лашенко С.К., 2006 и др.). Перестрой-

ка национальной ментальности, которая исторически заняла значительное время, предопределила изменения в семантике многих фундаментальных концептов русской языковой картины мира, что и обусловило их внутреннюю сложность, антиномичность. Внутренний конфликт, заключенный в семантике русского концепта «смех», является, по сути, отражением исторического конфликта между языческой смеховой культурой Древней Руси и пришедшей ей на смену православно-христианской культурой, отрицающей карнавальные обряды языческой смеховой культуры как непристойные и греховные. Таким образом, антиномия «смех/грех» в семантической структуре концепта «смех» в русской языковой культуре отражает конфликт двух типов мировоззрения в русском национальном сознании – языческого и христианского и победу последнего.

К национальной специфике испанского лингвокультурного концепта “*risa*” следует отнести связь его ассоциативного поля с так называемым «производительным низом» (по Бахтину), что вписывает данный концепт в общую канву карнавальности как одной из главных доминант испанской национальной культуры и ментальности (об этом подробнее см.: [27]). Эта связь прослеживается, в первую очередь, в идиоматизмах, характеризующих состояние смеющегося: *mearse de la risa*, *cagarse de risa*, *descojonarse de risa/ ser un descojone de risa*, *partirse el culo de risa* и др.

В целом проведенный нами анализ показал, что испанский лингвокультурный концепт “*risa*”, как и русский концепт «смех», характеризуется сложной структурой и семантической расчлененностью, проявляющейся в наличии внутренних антиномий. Общим для концептов сопоставляемых лингвокультур является ассоциация смеха с антонимичными ему понятиями «плач», «слезы», «горе», «смерть», однако в структуре соответствующего испанского концепта данная антиномия выражена слабее, что проявляется количественно как в количестве лексических единиц, заключающих в себе данную антиномию, так и в количестве единиц, отрицающих ее. В испанском концепте “*risa*” ярче проявляется начало, связанное с физиологической составляющей смеха, с его первичной функцией – смех от радости и полноты бытия, его характеризует доминирование эмоционально-оценочного начала с преобладанием позитивной оценки. Русский лингвокультурный концепт «смех» в силу наличия дополнительной антиномии (смех/грех) характеризует более сложная се-

мантическая структура, доминирующим в нем является рефлексивно-оценочное начало с преобладанием негативной оценки.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М.: Рос. ун-т, 1993. С. 341–345.
3. Балакина З.Ю. Лексикографическое описание концепта «смех» в русском языке // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Луганск, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://book.net/index.php?p=achapter&bid=10619&chapter=1>.
4. Балина Л.Ф. Феномен смеха в культуре: дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2005.
5. Бернштам Т.А. Феномен «смех-плач» в русской народно-православной культуре // Христианство в регионах мира. СПб.: Наука, 2008. Вып. 2. С. 298–376.
6. Бондаренко А.В. Языковая онтология смеховой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
7. Волкова Я.А. Деструктивность смеха: когнитивно-дискурсивный аспект // Вопросы психолингвистики. 2011. № 2 (14). С. 80–88.
8. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2001.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля>.
10. Карасев Л.В. Философия смеха. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996.
11. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007.
12. Кузнецов Ю.А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
13. Кутьева М.В. Стереотип отношения к смеху в русской и испанской лингвокультурах // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 1. С. 8–17.
14. Лихачев Д.С. Древнерусский смех // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 84–92.
15. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.
16. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–167.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007.

18. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. 3-е изд. Минск: Кн. Дом, 2003.
19. Панина М.А. Комическое и языковые средства его выражения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
20. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 1999.
21. Радаев А.М. Психолингвистическая теория смешного (комического) и анализа текста // Знаковые проблемы письменной коммуникации: сб. науч. ст. Куйбышев, 1985. С. 112–122.
22. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М.: Рус. словари, 1999.
23. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 326–336.
24. Уткина А.В. Когнитивные модели комического и их репрезентации в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2006.
25. Федосова О.В. Особенности природы смеха в испанской разговорной речи // El idioma español en el ámbito de la enseñanza, la ciencia y los negocios en el mundo globalizado: материалы Междунар. конф. испанистов. Красноярск, 15–16 сент. 2009 г. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. С. 75–84.
26. Федосова О.В. Пословицы и поговорки как часть смехового потенциала испанской лингвокультуры // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. Вып. 13. Волгоград: Колледж, 2010. С. 164–176.
27. Федосова О.В. Лексико-прагматические особенности современного испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.
28. Diccionario de la Lengua Española Real Academia Española (DRAE): en 2 vols. 22 ed. Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 2001.
29. Diccionario Manual de Sinónimos y Antónimos de la Lengua Española / red. C. Planas Vilafranca, C. Morales Ruiz, D. Moran Pérez [et alii]. Barcelona: LARROUSSE EDITORIAL (VOX), 2007.
30. Diccionario de Sinónimos y Antónimos. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2006.
31. Dichos populares [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ciudadreal.es/varios/dichos/c.php>.
32. Martínez Calvo L. Diccionario Español-Ruso. Barcelona: Editorial Ramón Sopena, 1982.
33. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual. Locuciones y modismos / dir. por M. Seco. 2ª ed. Madrid: Aguilar Lexicografía, 2007.
34. Refranes populares [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refranes.org.es/>.
- * * *
1. Averincev S.S. Bahtin, smeh, hristianskaja kul'tura // M.M. Bahtin kak filosof. M.: Nauka, 1992. S. 7–19.
2. Averincev, S.S. Bahtin i russkoe otnoshenie k smehu // Ot mifa k literature: sb. v chest' 75-letija E.M. Meletinskogo. M.: Ros. un-t, 1993. S. 341–345.
3. Balakina Z.Ju. Leksikograficheskoe opisanie koncepta «smeh» v russkom jazyke // Visnik Luganskogo nacional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Lugansk, 2010 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://bo0k.net/index.php?p=achapter&bid=10619&chapter=1>.
4. Balina L.F. Fenomen smeha v kul'ture: dis. ... kand. filos. nauk. Tjumen', 2005.
5. Bernshtam T.A. Fenomen «smeh-plach» v russkoj narodno-pravoslavnoj kul'ture // Hristianstvo v regionah mira. SPb.: Nauka, 2008. Vyp. 2. S. 298–376.
6. Bondarenko A.V. Jazykovaja ontologija smehovoj kul'tury: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.
7. Volkova Ja.A. Destruktivnost' smeha: kognitivno-diskursivnyj aspekt // Voprosy psiholingvistiki. 2011. № 2 (14). С. 80–88.
8. Gorbachevich K.S. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka. SPb.: Norint, 2001.
9. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogovelikorusskogo jazyka: v 4 t. SPb, 1863–1866 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://slovari.yandex.ru/~knigi/Tolkovyj%20slovar%20Dalja>.
10. Karasev L.V. Filosofija smeha. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1996.
11. Kozincev A.G. Chelovek i smeh. SPb.: Aletejja, 2007.
12. Kuznecov Ju.A. Leksiko-semanticheskoe pole smeha kak fragment russkoj jazykovoj kartiny mira: dis. ... kand. filol. nauk. SPb, 2005.
13. Kut'eva M.V. Stereotip otnoshenija k smehu v russkoj i ispanskoj lingvokul'turah // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2014. № 1. S. 8–17.
14. Lihachev D.S. Drevnerusskij smeh // Problemy pojetiki i istorii literatury. Saransk, 1973. S. 84–92.
15. Lihachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. «Smehovoj mir» Drevnej Rusi. L., 1976.
16. Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. Novye aspekty izuchenija kul'tury Drevnej Rusi // Voprosy literatury. 1977. № 3. S. 148–167.
17. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok. M.: ZAO «Olma Media Grupp», 2007.
18. Novejšij filosofskij slovar' / pod red. A.A. Gricanova. 3-e izd. Minsk: Kn. Dom, 2003.
19. Pанина М.А. Комическое и языковые средства его выражения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
20. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 1999.
21. Радаев А.М. Психолингвистическая теория смешного (комического) и анализа текста // Знаковые

problemy pis'mennoj kommunikacii: sb. nauch. st. Kujbyshev, 1985. S. 112–122.

22. Slovar' russkikh sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij / pod red. N. Abramova. M.: Rus. slovari, 1999.

23. Uspenskij B.A. Antipovedenie v kul'ture Drevnej Rusi // Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija. M.: Nauka, 1985. S. 326–336.

24. Utkina A.V. Kognitivnye modeli komicheskogo i ih reprezentacii v russkom i anglijskom jazykah: dis. ... kand. filol. nauk. Pjatigorsk, 2006.

25. Fedosova O.V. Osobennosti prirody smeha v ispanskoj razgovornoj rechi // El idioma español en el ámbito de la enseñanza, la ciencia y los negocios en el mundo globalizado: materialy Mezhdunar. konf. ispanistov. Krasnojarsk, 15–16 sent. 2009 g. Krasnojarsk: IPK SFU, 2009. S. 75–84.

26. Fedosova O.V. Poslovicy i pogovorki kak chast' smehovogo potenciala ispanskoj lingvokul'tury // Antropologicheskaja lingvistika: sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Krasavskogo. Vyp. 13. Volgograd: Kolledzh, 2010. S. 164–176.

27. Fedosova O.V. Leksiko-pragmaticheskie osobennosti sovremennogo ispanskogo obihodnogo diskursa v nacional'no-kul'turnom aspekte: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2012.

28. Diccionario de la Lengua Española Real Academia Española (DRAE): en 2 vols. 22 ed. Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 2001.

29. Diccionario Manual de Sinónimos y Antónimos de la Lengua Española / red. C. Planas Vilafranca, C. Morales Ruiz, D. Moran Pérez [et alli]. Barcelona: LAROUSSE EDITORIAL (VOX), 2007.

30. Diccionario de Sinónimos y Antónimos. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2006.

31. Dichos populares [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.ciudadreal.es/variados/dichos/c.php>.

32. Martínez Calvo L. Diccionario Español-Ruso. Barcelona: Editorial Ramón Sopena, 1982.

33. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual. Locuciones y modismos / dir. por M. Seco. 2ª ed. Madrid: Aguilar Lexicografía, 2007.

34. Refranes populares [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.refranes.org.es/>.

National and cultural peculiarities of the concept “laugh” in the Russian and Spanish linguistic cultures

The linguocultural concept “laugh” is regarded in the comparative aspect on the basis of the Russian and the Spanish languages. There are found out the basic antinomies of the concept and revealed its national peculiarities.

Key words: *linguocultural concept “laugh”, Spanish linguistic culture, Russian linguistic culture.*

Е.И. АЛЕЩЕНКО
(*Волгоград*)

БОЛГАРСКИЕ СКАЗКИ О САМОВИЛАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рассматривается мифоконцепт «самовила», характерный для болгарского сказочного фольклора. Структура мифоконцепта включает понятийный, образный и аксиологический уровни, которые могут отличаться от соответствующих уровней общекультурного концепта. Анализируются особенности, присущие исключительно названному персонажу, и его противоречивость.

Ключевые слова: *мифоконцепт, лингвокультурология, понятийный, образный, аксиологический уровни концепта.*

В сказочном фольклоре любого этноса присутствуют персонажи, которые являются характерными только для него. Они представляют собой мифоконцепты, которые хорошо знакомы каждому носителю языка. В его сознании сказочные существа олицетворены, наделены характерами и функциями. В работе Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» содержатся словарные статьи, посвященные таким персонажам русского сказочного фольклора, как Баба-яга и Кощей Бессмертный [6, с. 850, 855]. Подобные существа характеризуются тем, что, хотя, естественно, в реальности их никто не видел, каждый носитель языка узнает их на иллюстрации и сможет рассказать об их нравах. Таким образом, оценочная и образная составляющие у мифоконцептов представлены в полной мере, понятийная же имеет определенные особенности, связанные с тем, что сущности, о которых идет речь, ирреальны.

Подобные герои есть и в балканском фольклоре. У южных славян это самовилы, самодивы, или вилы. Они представляются в виде красивых длинноволосых девушек, в белых одеждах и босых. Часто у них есть крылья, во всяком случае, они обладают способностью летать. Самовилы хорошо поют и любят танцевать. Часто появляются у воды, где купаются и моют волосы. Вила, которая приобретает облик вихря, называется у болгар *юда*. Такой ветер может унести человека.

Отношения с людьми у самовил довольно сложные. С одной стороны, они могут нанести